

## ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1.16.165.1

М.В. Гончаренко

## ИНВАРИАНТНОСТЬ ФАКТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ

Рассматривается предположение о том, что факт как конституированная определенным образом модель действительности в своем основании имеет в качестве определяющего фактора всеобщности объект, поскольку бесконечно разнообразная репрезентация последнего совершенно невозможна вне факта; также рассматривается трансцендентная природа факта, как и его восприятия, обусловленная двумя аспектами: онтологическим и эпистемологическим.

**Ключевые слова:** факт; объект; интерсубъективность; прафеномен; дискурс.

Когнитивно-исторические совокупности как системы знания [1. С.83], безусловно, могут быть рассмотрены как примеры эклектического характера, для которых актуальным является на определенном этапе некий системообразующий фактор<sup>1</sup>, позволяющий не прибегать к противопоставлению различных областей (веры и разума): «Что я понимаю, тому и верю, но не все, чему я верю, то и понимаю», – заключает Августин [2. С. 597]. Приведенное рассуждение Августина – иллюстрация феномена интерсубъективности: так же как понимаемое нами обладает свойством всеобщности (по крайней мере, исторически), так же и принимаемое на веру, очевидно, обладает свойством всеобщности – в противном случае количество объектов веры совпало бы с количеством верующих – это во-первых; во-вторых, Августин однозначно указывает именно на то, что, невзирая на определенное тождество объекта понимания и веры, с точки зрения осознания данное тождество не всегда является таковым, так как область осознания и структурирование модели, как конструкции, изоморфной моделируемой системе, представлена элементами рационального и иррационального свойства одновременно. При этом речь идет о единой модели: факт бытия мира не может быть расщеплен на некие «несводимые» конституэнты, каждая из которых герметична по отношению к другой; и невозможно это прежде всего по причине трансцендентального *его*, одним из главных свойств которого является его целостность. Таким образом, проблема структурирования модели посредством различного типа элементов<sup>2</sup>, достоверность которых априорна, очевидна, так как коррелятом возможности является интуитивное и аподиктическое осознание всеобщности, утверждает Гуссерль [3. С. 37].

Если принять во внимание, что всеобщее не имеет отношения к факту, то каким образом обуславливается интерсубъективность последнего (в частности, научного факта)<sup>3</sup>? Если допустить, что факт – это конституированная определенным образом модель действительности<sup>4</sup> (или какого-то ее аспекта), то основанием, определяющим фактор всеобщности, является объект, бесконечно разнообразная репрезентация которого невозможна вне факта. По сути, это делает допустимым рассмотрение факта как инварианта объекта: «В качестве первичной проблемы психологического генезиса мира опыта здесь выделяется проблема генезиса *фантомной* или *чувственной вещи* со свойственными ей слоями

(видимая вещь, осязаемая вещь и т.п.) и их синтетическим единством. Эта вещь дана (всегда в рамках этой первопорядковой редукции) чисто как единство чувственных способов явления и их синтезов. Фантомная вещь в своих синтетических взаимосвязанных модификациях, как вещь, находящаяся вблизи или вдали, не есть еще *реальная вещь* первопорядковой психической сферы, реальная вещь уже здесь конституируется на более высоком уровне как каузальная вещь, как тождественный субстрат (*субстанция*) каузальных свойств. Субстанциональность и каузальность относятся, очевидно, к конститутивным проблемам более высокого уровня» [3. С. 76]. Феноменологическая теория познания представляет последнее как потенциальность горизонта конституирующего *его*. Таким образом, мир (как модель, теория, актуальные для нас) является результатом интенциональности трансцендентального *его*, которое, соответственно, является основанием в отношении мира (как модели, теории), при этом, с точки зрения феноменологической теории познания, *его* трактуется как неотъемлемый элемент этого мира (модели, теории). Дихотомический аспект *его* структурирует реальность, атрибутом которой он является: «В конечном счете, только раскрытие горизонтов опыта признает действительное существование мира и его трансцендентность и показывает затем, что он неотделим от трансцендентальной субъективности, конституирующей смысл и действительность бытия» [3. С. 32].

Попытка объективирования трансценденций<sup>5</sup> всегда приводила к постулированию единственно «правильной» теории, которая с течением времени обязательно достигнет «окончательного объяснения» [4. С. 459–461] положения дел. Так, Поппер, объявляя о существовании «третьего мира», не заметил того, что *de facto* совершил отождествление модельного «третьего мира» (теоретического мира) и мира реального, тем самым упразднив последний как минимум с точки зрения познающего субъекта: «Третий мир Платона божествен, он был неизменяем и, конечно, истинным. Таким образом, существует огромнейшая пропасть между *его* и моим третьим миром: мой третий мир создан человеком и изменяется. Вот почему обитателями третьего мира – формы и идеи (у Платона. – Г.М.) – становятся понятия о вещах, сущности или природы вещей, а не теории, рассуждения или проблемы» [4. С. 459–461]. Это совершенно никак не разрешает проблему транс-

цендентальных конституций объекта, явления, а следовательно, и модели.

Обратимся к позитивистской установке, рассмотренной Соловьевым: «Наука получает из опыта известные данные как фактический материал, которому она сообщает форму необходимости или закономерности. Эта необходимость в законах явлений несколько не определяет самого существования явлений <...>, а утверждается только, что если это явление существует, то когда бы и где оно не существовало, оно обязательно существует так, а не иначе, т.е. в таком, а не ином отношении к другим явлениям» [5. С. 769]. Из этого следует:

– во-первых, закон как описание отношений, таким образом, имеет форму (является моделью) такого положения дел, обнаружение которого может не состояться;

– во-вторых, наука как конкретная форма деятельности наделена именно теми качествами, которые обуславливают закономерность и всеобщность выводов, по определению невозможных для всех других форм нашего осознания действительности. И как раз первое следствие не является аргументом в пользу невозможности второго: если закономерность и всеобщность – непреложная необходимость, то каким же образом возможно несовершенство «гарантированного» научным законом положения дел. Действительно: «Вопрос об обосновании есть главное в проблеме знания» [6. С. 75], и возможные ответы на этот вопрос, безусловно, невозможны вне культурно-исторического контекста, конституирование которого представлено бесконечным и определенным образом структурированным потоком сознания.

В этой связи обратимся и к рассуждениям Маха: «Каждый отдельный факт, <...> будет ли он физическим или психическим, или смешанным из обоих, остается фактом. Заблуждение наступает лишь тогда, когда мы, не считаясь с изменением физических или психических, или тех и других обстоятельств, считаем тот же факт существующим и при *других* условиях. <...> Исследователь обязан не оставлять без внимания ни одного *побочного обстоятельства*, влияющего на изучаемый процесс помимо его воли, должен принимать в соображение все *источники ошибок*» [7. С. 151].

Итак, классическая (позитивная) картина представлений, во-первых, указывает на несвоевременную реакцию (или отсутствие таковой) на происходящие изменения, что приводит к еще большей деформации модели, структурирующей воспринимаемый поток; во-вторых, так называемые «источники ошибок» могут быть учтены только в случае заранее определенных обстоятельств положения дел (факта), т.е. причины, обуславливающие ложное направление исследования, могут быть известны только тогда, когда мы делаем единственно возможный выбор, исключаящий все другие в силу нецелесообразности (в том числе и по явной ошибочности). И именно фактор данного выбора, по определению, является рационально неопределенным: исключительно закон достаточного основания не может обусловить этот выбор, и как раз то, что не входит в область рационального (рационально пости-

жимого), имеет отношение к горизонту дихотомии актуального и потенциального.

С точки зрения феноменологической редукции утвержден следующий порядок: потенциальное и актуальное – атрибуты, одновременное наличие которых и обуславливает модельное конструирование мира, предполагающего и антиципирующего различные горизонты структурируемого объекта и его возможные уровни: «В каждой актуальности имплицитно содержится ее потенциальности и <...> каждое переживание имеет горизонт <...>. Горизонты представляют собой заранее очерченные потенциальности» [3. С. 23–24].

Таким образом, мы видим, что и у Маха, и у Гуссерля фактически речь идет о невозможности полного познания по причине ограниченности возможностей, обусловленной человеческой финитностью [8]. Ограниченность любого научного исследования, по определению, обусловлена интеллектуально: «Подводя какой-нибудь факт под известное понятие, мы упрощаем его, оставляя без внимания все признаки, несущественные для поставленной нами цели» [7. С. 151].

Моделируемая реальность бесконечно вариативна, и фактор, предопределяющий выбор конкретного варианта модели, не может обладать монополией на рациональность: субъект познания конституирует познавательный объект всеми имеющимися в его распоряжении способами, и то, что мы рассматриваем, например, как абстракцию, имеет весьма неопределенную природу.

Интенциональность сознания обуславливает как актуальность конкретной модели реальности (факт как инвариант объекта), так и определяет правомерность последней, при этом в пределах данного конкретного дискурса не имеет никакого значения рациональность / иррациональность факторов (их природа), постулирующих всеобщность и «необходимость» данной модели: «Кто нам гарантирует, что мы при наших абстракциях принимаем во внимание верные, нужные условия и именно безразличные оставляем без внимания?» [7. С. 155].

Факт как прафеномен, по Витгенштейну, и субъективное праначало, по Гуссерлю, – структуры, имеющие много общего, более того, это структуры, не существующие одна вне другой: их объединяет дихотомический аспект проблем трансцендентального характера. Модель как результат интенциональности сознания невозможна сама по себе, но и интенциональность всегда чем-то представлена.

Данная дихотомия очень напоминает другую классическую дихотомию: язык – речь. Дело в том, что интенциональность<sup>6</sup> всегда предопределяет не только актуальное положение дел, но и потенциальное, как и модель, которая иначе была бы невозможной.

Гуссерль неоднократно обращает внимание на важность вывода Brentano о психических феноменах и их атрибутах: дескриптивное изучение явлений как (единственно) возможный способ изучения / понимания самого познающего субъекта (репрезентация познающего посредством модели познаваемого / изучаемого явления). Более того, моделируемый объект познания посредством *cogito* может быть и актуальным, и потенциальным как с точки зрения та-

ких процессов, как воспоминание, воображение, предвидение и т.д., так и с точки зрения реальности модальной синхронии<sup>7</sup> явления: «Соответствующий признак мы всегда находим как единство текущих многообразий.

Общим же для всякого сознания вообще, как для сознания о чем-то, остается тот факт, что это «нечто», некий *интенциональный предмет* как таковой, осознается в нем как тождественное единство меняющихся нозтических и нозматических способов осознания, как допустимых созерцанию, так и недопустимых ему» [3. С. 21–22].

Фактически речь идет о некоей синтетической структуре воспринимаемого потока<sup>8</sup>. Следовательно, конституируемая модель реальности некоего объекта – это априорный синтез восприятия и рефлексии познающего Я, при этом именно качество данного синтеза (априорность) определяет саму возможность данного синтеза (как синтеза восприятия рефлексии, так и синтеза актуального и потенциального положения дел): «Если я... выбираю в качестве темы описания восприятия этой игральной кости, то в чистой рефлексии я вижу, что эта кость как предметное единство непрерывно дана в сложном и изменчивом многообразии способов явления, которое определенным образом принадлежит этому восприятию» [3. С. 21].

Сложно оспаривать в данном случае трансцендентальность обоих процессов: рефлексии и восприятия, которые к тому же представлены для нас в качестве единой синтетической структуры, невозможной исключительно только посредством одного-единственного модуса бытия, даже если этот последний определен как «здесь» и «сейчас», так как это всего лишь конкретизация потока бытия.

В определенном смысле именно интенциональность сознания (интенциональная деятельность) может быть рассмотрена как обусловленное свойство синтетической структуры трансцендентального *ego*.

В связи с этим обратимся к концепции условного знания Соловьева: «Объективирование наших ощущений является <...> как особое самостоятельное действие познающего субъекта, не вытекающее непосредственно из самого факта ощущений, хотя с ним связанное» и «особое действие познающего, не заключающееся <...> в самом факте ощущения, ибо бывают ощущения и не соединенные ни с каким представлением» [5. С. 738].

Таким образом, познающий субъект (как трансцендентальное *ego*), конституирующий мир, делает это определенным образом, и получение ощущений тоже происходит определенным образом (имеем то, что имеем, и не более). При этом объективирование ощущений может быть весьма вариативным, и вопрос о достоверности модели как дискурса здесь неуместен.

Ощущения вне представлений (как и наоборот) отсылают нас к вопросу о первопорядковых трансценденциях, конституирующих мир *ego* (по Гуссерлю).

Следовательно, модель, структурируемая таким образом, вряд ли может рассматриваться как модель, конституированная исключительно элементами либо

научного, либо религиозного дискурсов и т.д., поэтому факт, структурированный Я (как познающим субъектом, так и трансцендентальным *ego*), всегда синкретичен, как и модель, его репрезентирующая<sup>9</sup>.

Может ли, в принципе, обладать аподиктичностью научное знание при следующем положении вещей: «Ученый стремится к получению знания и убежден в том, что принятые в науке утверждения о законах и большая часть принятых теорий являются знанием (и что они истинны).

Специальной рефлексией по поводу того, что считать знанием и истиной, он не занимается» [6. С. 75]? Ответ очевиден, но с точки зрения позитивистского направления совершенно неприемлем.

Итак, Я, структурирующее модель реальности в самом широком смысле, фактически структурирует возможные горизонты / границы, допустимые с точки зрения восприятия и рефлексии; горизонты / границы и синтетическая природа созданного эпистемологического «пространства» не могут быть упразднены посредством принятых правил.

Трансцендентная природа факта, как и его восприятия, обозначена двумя аспектами – онтологическим и эпистемологическим.

Во-первых, всегда, явно или неявно, существует ссылка на бесконечный поток вариантов некоторого факта, периодически актуализирующихся и имеющих определенную первопричину.

Во-вторых, любая модель (факта) – это явление, не существующее изолированно само по себе, а существующее исключительно как отдельно взятое звено цепи: «Только в связи с прошедшим и будущим, то есть с тем, что вовсе не дано и не существует в моих теперешних актуальных ощущениях, только в связи с этим несуществующим может воспринимаемое мною теперь объективное явление иметь для меня значение, которое оно в действительности имеет. <...> Реально чувственный элемент этого явления составляет лишь ничтожную его часть, <...> на которой наш ум созидает свой действительный предмет, это объективное явление» [5. С. 742].

Таким образом, именно синтетический акт, по Соловьеву, который отделяет для Я реальность конкретного положения дел (модель мира / факта), имеет трансцендентную природу.

Синтетическая природа акта конституирования модели / факта обусловлена и тем, что актуальные ощущения, как и актуальное рефлексирование, возможны только в случае предшествовавшего целостного опыта Я (т.е. как научного, так и морально-этического: человек, не имеющий представления о таблице умножения, не может извлечь квадратный корень из числа или получить число вследствие умножения других чисел и т.д., точно так же, как невозможно раскаяние и искупление вины человеком за совершенное им убийство, если он совершил акт кровной мести по законам вендетты).

Действительно, принципы стереометрии стали известны в XIX в., но разве во времена Евклида были какие-то реальные противопоставления использовать стереометрические принципы описания пространства, как-то: проводить более одной параллельной

линии через точку на плоскости, не лежащую на этой прямой и т.д.

Очевидно, фактор трансцендентности, конституирующий модель мира / факта в парадигме планимет-

рии, актуализировал понятие плоскости, а не понятие пространства: «Действительность объективного явления <...> открывается не в ощущениях чувств, а в образах или идеях ума» [5. С. 745].

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Для научной теории, с точки зрения философии науки, таким фактором является фактор «научности» и «логичности».

<sup>2</sup> Как элементов, атрибутом которых является всеобщность, так и элементов интуитивного свойства.

<sup>3</sup> Очевидно, к этому имеет отношение и проблема возможности/невозможности структурирования теоретической модели.

<sup>4</sup> Данное предположение обусловлено дискурсивной природой факта: факт как форма эмпирического знания невозможен вне текста.

<sup>5</sup> Одним из удачных примеров является концепция фальсификации К. Поппера.

<sup>6</sup> Аргументом этого может являться теория, религиозная концепция и т.д.

<sup>7</sup> Синхрония – термин, введенный К.Г. Юнгом для обозначения следующего: «Вместо одновременности мы можем использовать концепцию смыслового совпадения двух и более событий, когда речь идет не о вероятности случая, а о чем-то другом» [9. С. 185].

<sup>8</sup> Факт или явление как бесконечный вариативный поток репрезентаций.

<sup>9</sup> Естественно, трактовки понятий «познающий субъект» и «трансцендентальное ego» не тождественны, но оба понятия имеют отношение к «Я» понимающему, сознающему, воспринимающему, рефлекслирующему и т.д., и именно на этом основании данные понятия Декарта и Гуссерля, вернее их объемы, частично пересекаются.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Касавин И.Т.* Что недостаточно знать о знании // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. 21, № 3.
2. *Антология мировой философии* : в 4 т. М., 1969. Т. 1, ч. 2.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. URL: <http://elenakosilova.ru/studia/Husserl.htm> (дата обращения 23.06.2011).
4. *Поппер К.* Объективное знание // Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
5. *Соловьев В.* Критика отвлеченных начал. Минск : Харвест, 1999. 912 с.
6. *Лекторский О.* О проблеме знания // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. 21, № 3.
7. *Мах Э.* Познание и заблуждение. М. : БИНОМ; Лаборатория знаний, 2010. 456 с.
8. *Суровцев В., Сыров В.* Языковая игра и роль метафоры в научном познании. URL: <http://ru.Philosophy.kiev.ua/library/surovtsev/syrov.html> (дата обращения 13.05.2011).
9. *Юнг К.Г.* Синхрония. М. : АСТ, 2010. 347 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 20 июня 2012 г.